

Кельнский зодчий — эпизод 2 из 2

Зодчий сделал еще глоток из фляги незнакомца, и от волшебного зелья его бросило из озноба в жар и храбрости в груди, в самом деле, прибавилось.

-- О чем договор ваш? -- спросил он.

-- Да вот прочитайте сами!

-- Чтобы я продал свою душу? Ни за что!

-- Ну, так распроститесь и с планом. Таких договоров у меня несчетное число; одним больше или меньше -- для меня мало значит. Для вас же впереди или почет, или позор.

-- Да ведь у нас нет ни пера, ни чернил... -- пробормотал зодчий.

-- Вот перо, -- сказал незнакомец, снимая большое красное перо с своей шляпы. -- А чернила -- ваши собственные.

Царапнув руку зодчего до крови длинным когтем своего указательного пальца, он окунул перо в свежую ранку.

-- Распишитесь внизу; кроме вашей подписи, ничего мне не требуется.

Зодчий расписался и, взамен расписки, принял сверток. В тот же миг над самой головой его грянул гром, как из тысячи орудий, а в землю перед ним ударила молния. Земля треснула, и из трещины взвился огненный столб с смрадным дымом и охватил незнакомца. Ослепленный пламенем и едким дымом, зодчий закрыл глаза рукой. Когда же он отнял руку, ни незнакомца, ни пламени уже не было. Кругом стояла прежняя тьма кромешная, да в воздухе пахло серой.

После долгого плутания по густому лесу, зодчий, до смерти усталый, выбрался наконец под утро к берегу Рейна.

Укрывшийся здесь от ночной бури в заводи рыбак принял его в свою ладью и благополучно доставил в город. Когда зодчий доплелся до своего дома, то, не раздеваясь, повалился на постель и заснул тотчас, как убитый.

Проспал он так беспросыпно двое суток, да и тогда еще не проснулся бы сам, не растолкай его посланец архиепископа со словами:

-- Вставайте, ваша милость, вставайте: владыка зовет вас к себе.

-- Владыка? -- пробормотал зодчий с трудом собираясь с мыслями. -- Да разве уже срок?

-- Надо быть что так: -- "скажи, -- говорит, -- что я жду план собора".

Зодчий огляделся: на столе лежал столь памятный ему пергаментный сверток. Значит, все это был не сон, а правда!

Приведя в порядок свой наряд, он отправился к архиепископу с неразвернутым свертком: у него не достало духу еще раз взглянуть на план;

будь, что будет!

Высокопреосвященный, при виде свертка в руке зодчего, принял его еще милостивее прежнего.

-- Ты, вижу, тверд в своем слове, -- молвил он. -- Но что с тобой, сын мой? Как ты бледен, как печален! Или сам ты недоволен своей работой?

-- Мастеру, владыка, трудно судить о своей работе, -- уклончиво отвечал зодчий.

-- Так дай посудить другим.

Зодчий развернул свой свертки. Владыка ахнул от изумления.

-- Ты -- великий мастер! Такого храма еще нигде не бывало, где поклоняются святому кресту. Ты себя обессмертил, сын мой, и мы увековечим твое имя на особой доске в самом храме. С завтрашнего же дня можешь приступить к его постройке.

Но самого его это не утешало; не утешал и успешный ход работ. Ведь чем скорее шли они, тем неизбежнее подходил и роковой час расплаты. Зодчий совсем упал духом и бродил вокруг своего создания рассеянный и хмурый, как осужденный к смерти. Наконец, чтобы облегчить свою совесть, он покался во всем своему духовнику.

-- Злосчастный! -- ужаснулся духовник. -- Твое прегрешение так вопиюще, что все мои молитвы тебе не помогут.

-- Но что же мне делать, что мне делать?! -- в отчаянии вскричал зодчий.

-- Если кто может еще вырвать тебя из когтей дьявольских, так некий старец-пустынник святого жития. Полвека уже спасается он в горах; многократно изгонял он злых духов из грешников. Сходи к нему, попытайся.

-- Теперь, сын мой, вернись к своему делу, -- сказал ему тут пустынник. -- Веди и впредь такой же покаянный образ жизни. Быть может, тогда враг рода человеческого утратит свою власть над тобою.

-- Как только его не стало, из стены недостроенного храма исчезла и доска с его именем. Постройка же собора с тех пор шла крайне -- туго, прерываясь иногда на целые годы. Прошли столетия, а начатое с помощью нечистой силы величественное здание все еще не достроено...